

У Солженицына в Рязани

ПРЯМАЯ УЛИЦА, ведущая к Оке, замкнутая в конце соборами Рязанского кремля. На этой улице — здание средней школы, где до последних дней преподавал физик Александр Солженицын.

Достаточно было одного месяца, чтобы имя рязанского учителя узнали в Москве и Владивостоке, в Париже и на зимовках Антарктиды. Повесть об одном дне заключенного Ивана Шухова вызвала всеобщий интерес и потоки рецензий.

«Сильный талант», «подлинный помощник партии в святом и необходимом деле», — так писали об авторе «Известия», «Повесть А. Солженицына, порою напоминающая толстовскую художественную силу в изображении народного характера...» — это строки из «Правды». А на встрече руководителей партии и правительства с деятелями культуры было сказано: «Такие произведения воспитывают уважение к трудовому человеку, и партия их поддерживает».

...Шли последние дни учебного полугодия и последние дни декабря, когда я открыл дверь этой школы.

УЧИТЕЛЬ ФИЗИКИ

Солженицын — человек двух призваний. Его педагогический талант столь же бесспорен, как и литературный.

Он не просто знает свой предмет. Творческое начало, живущее в Солженицыне, побуждает его преподавать с той свежестью и увлечением, которые можно объяснить лишь истинным призванием. Он следит за технической периодикой, он делает пространственные доклады и сообщения, в числе других — о космических полетах, оперируя сведениями, которые удивляют его коллег. Он постоянно «выходит из берегов» обычной школьной программы.

Вот что сказал один из учеников Александра Исаевича о своем преподавателе: — Он интересно ведет уроки. Он хорошо владеет речью. Раньше я не любил физику...

И другой: — Не знаю, какой из него получился писатель, но учитель он первоклассный.

ПОСЛЕДНИЙ УРОК

— Конец полугодия, — сказал мне Солженицын. — Ученики исправляют оценки. Я не могу позволить вам присутствовать на уроке: ребята будут нервничать — это может сказаться на их отметках.

Класс отделен от меня дверью с обычным оконным стеклом. Я вижу сквозь него, как Солженицын подзывает ученика, пишет мелом на доске, живо жестикулирует и застывает в необычной позе, словно фехтует... Голосов не слышно, все это выглядит, как немое кино. Я слегка приоткрываю дверь, и из нее вырывается громкий и четкий голос:

— Будут ли сторонние силы производить разделение зарядов? Генератор...

Как странно видеть и слышать все это, зная о шумевшем вторжении Солженицына в большую литературу.

Никто — ни ученики, ни учителя — не хотели мириться с мыслью, что дни преподавательской деятельности Александра Исаевича сочтены. Никто и не почувствовал этого вплоть до 28 декабря, когда шел урок физики — последний урок Солженицына, школьного учителя.

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Конечно, это странный процесс, неизменно ставший в тупик окружающих, когда в ряду обыденного вырастает нечто совершенно необычайное.

То, что у Солженицына незаурядный литературный талант, никому из его коллег не приходило в голову.

На мой вопрос они пожимают плечами. «Мы ничего не подозревали. Учитель, как учитель. Лучше многих из нас. Не более».

Завуч школы Владимир Бельцов почувствовал, по его словам, какое-то новое увлечение Солженицына и решил, что он пишет учебник по физике или сборник задач: «Для этого Александр Исаевич вполне эрудирован».

Даже сейчас, после появления повести, не все осознали истинное значение происшедшего. Для иных Солженицын остается, как и прежде, товарищем по ремеслу, между делом («Мало ли у кого какие бывают причуды?») написавшим небольшую книгу. «Всего семьдесят страниц», — заметила одна учительница. Другая сказала чуть снисходительно: «Вот и прославился наш Александр Исаевич!»

Есенин, поэт тоже рязанский, когда-то написал: «Лицом к лицу, лица не увидать. Большое видится на расстоянии...»

ПРОНИКНОВЕНИЕ

Не доверяя своему весьма ограниченному знакомству с Солженицыным, я спрашивал в Рязани у всех сколько-нибудь осведомленных лиц: каким языком говорит в быту Александр Исаевич?

— Когда я читал повесть, — сказал десятиклассник Саша Дмитриев, — я спотыкался на каждом шагу. Никогда не думал, что наш физик может писать такими не-

обычными словами, ни разу их от него не слышал...

— Больше всего меня изумил язык, как написана повесть, — сказал Бельцов. — Я ожидал чего-то чеховского, а тут сразу вспомнил «раскованных», с которыми сталкивался в Сибири...

Ясно, что лексикон Ивана Шухова не входит в активный словарный фонд Александра Солженицына. Никто не слышал от писателя ни «эковского» жаргона, ни архаизмов, ни удивляющего ухо своей свежестью глубинно народного сказа, от которого мы все немного отвыкли.

Язык повести — результат наблюдений писателя, его опыта и сознательного проникновения в духовный мир крестьянина, который был ему, без сомнения, ранее незнаком, а возможно, и чужд, как были далеки Ивану Шухову те молодые москвичи, что лопочут друг с другом на непонятном, «будто бы иностранном языке».

НИ МИНУТЫ ВПУСТУЮ

Еще одна фраза о Солженицыне: «Вся жизнь его идет по какому-то одному ему понятному плану».

Действительно, трудно представить себе ту огромную энергию и целеустремленность, которой живет Солженицын.

Еще пять лет назад, поступая в школу, он просил директора ограничить число уроков пятнадцатью часами в неделю. Год спустя, не объясняя причины, он просил их уменьшить до двенадцати. Последнее время он имел девять уроков в неделю.

Отсюда его более чем скромный заработок — 50 рублей в месяц. Как мне показало, деньги для Солженицына не имеют сколько-нибудь серьезного значения.

Он дорожит временем, и это главное, что бросается в глаза при знакомстве с Солженицыным.

Он приходит в школу за минуту-две до занятий. Он не задерживается после окончания уроков и без всякой причины не заглядывает в учительскую. Он по возможности избегает долгих собраний, совещаний, не стесняясь воспользоваться помощью одного из своих учеников, чтобы проскользнуть незамеченным мимо распахнутой двери актового зала.

В то же время он все успевает сделать. Он не нарушает обещаний, не опаздывает и требует самой щепетильной обязательности от других. Аккуратность Александра Исаевича стала почти нарицательной.

Его скрытность, его вежливая замкнутость просто потрясающая. Он не рассказывает о прошлом, не строит вслух прогнозов на будущее. Он вообще говорит крайне мало и только по надобности.

Солженицын — человек редкой самодисциплины. Он скромен. Директор Матвеев сказал о нем: «Это органически сложившаяся скромность».

Он стремителен. Я наблюдал, как Александр Исаевич возвращался домой после занятий. Он шел ходко, словно спешил к тому, что составляет главную цель его жизни.

СОЛЖЕНИЦЫН БОЛЕН

На вид он производит впечатление вполне здорового человека. Вводит в заблуждение его подвижность, энергичная жестикуляция, живая выразительность лица.

На самом деле он болен. Несколько лет назад он был при смерти. Смелым медицинским вмешательством развитие процесса было приостановлено.

Периодически Солженицын выдерживает повторные курсы лечения. Чрезвычайно сильное лекарство приковывает его к постели на месяц. О болезни своей Александр Исаевич говорит спокойно и отчужденно, как о чем-то, его совершенно не касающемся.

ЛЕТНИЕ КАНИКУЛЫ

Каждое лето Солженицын вместе с женой, а иногда и друзьями отправляется путешествовать. Другим видам транспорта он предпочитает велосипед и паром.

С женой на велосипедах с импровизированными багажниками на заднем колесе они отправляются по области, чаще в Солотчу. Солженицын побывал в Прибалтике; прошлым летом он ездил в Забайкалье.

Солженицын и его жена не расстаются с фотоаппаратами. Стены их столовой увешаны фотооттисками, многие сделаны со вкусом и художественным чувством.

Три недели назад вместе с несколькими преподавателями школы Александр Исаевич ездил на охоту. В отличие от всех, он был вооружен лишь фотокамерой и снимал там, где другие стреляли. Ружья он не любит. Отец Солженицына погиб на охоте от случайного выстрела.

ЖЕНА

Ее имя — Наталья Алексеевна Решетовская. Она кандидат химических наук, преподает в сельскохозяйственном институте. По отзывам многих, хорошо играет на фортепиано — в доме Солженицына почти половину тесной столовой занимает рояль.

Солженицын женился на Решетовской еще до войны. Приблизительно за год до победы и его ареста (по злому навету) Наталья Алексеевна выезжала к нему на фронт. Когда Солженицын отбыл срок и был сослан, она перебралась к нему в Джамбулскую область.

Наталья Алексеевна так же не склонна говорить о своем муже, как он сам о себе. Но она менее строга в соблюдении этого принципа. Во всяком случае, ей я обязан двумя снимками писателя.

Я спросил: — Стал бы Солженицын писателем без своего лагерного опыта?

— Трудно ответить. Во всяком случае, он стремился получить литературное образование отнюдь не случайно. Он ничего не делает случайно...

Я слышал об их отношениях самые добрые слова: «Дай бог всякой семье. Детей у них нет».

САША ДМИТРИЕВ

О СОЛЖЕНИЦЫНЕ

Солженицын несколько лет вел в школе фотокружок. Его лучшим помощником и любимым учеником был Саша Дмитриев. Я попросил юношу дать своему учителю характеристику в трех словах.

— Умен, аккуратен, бережлив, — сказал Саша.

По поводу последнего качества он рассказал вот что:

— Одна пачка проявителя растворяется в полулитре воды. А для фотобачки нужно 300 граммов. Александр Исаевич никогда не позволяет нам растворять пачку во всех пятистах кубиках. Он делит две пачки на три части — одна часть ровно на бачок, на треть литра.

— Но ведь оставшиеся двести граммов раствора можно использовать позднее, — сказал я.

— Он выдохнется, — заметил Саша.

На стенах школьной фотолаборатории висят инструкции и рекомендации для тех, кто здесь занимается. Все они аккуратно отпечатаны Солженицыным на той самой машинке, на которой была написана повесть «Один день Ивана Денисовича».

Ценить вещи, уважать добро, в которое вложен человеческий труд, — едва ли не исконная русская черта. Она подчеркнута и у Ивана Денисовича в «Одном дне...».

МЕСТО ПОД ВИШНЕЙ

Солженицын практичен, многое умеет и любит делать сам.

В небольшом дворике двухэтажного деревянного дома, где живут несколько семей, Александр Исаевич вскопал несколько грядок маленького огорода, посадил вишневые деревья.

Под вишнями он врыл в землю стол и скамеечку, там летними днями и работал.

Я несколько раз приходил в дом к Солженицыну. Однажды морозным декабрьским вечером я увидел его, с табуреткой в руках выходящим во двор. Одет он был

в стеганый ватник, шапку-ушанку с боляющимися завязочками. Оторопело я подумал об Иване Шухове. При всей их интеллектуальной несхожести, автора повести и ее герою объединяет нечто принципиально важное и незабываемое...

— Меня подразумевают под многими героями повести, — говорил писатель. — А я в ней присутствую постольку, поскольку сам сплавлял лес, клал кирпичные стены...

Солженицын занимается хозяйственными делами. Он колет дрова, убирает снег... Может быть, он любит это делать. А если бы и не любил — кто бы занимался этим вместо него, единственного мужчины в доме?

Все остальное время из его кабинета доносится стук пишущей машинки.

ВХОД ВОСПРЕЩЕН

Эти слова были бы уместны над его кабинетом, над всем тем, что входит в понятие творческой лаборатории.

Упорно, я бы сказал, с ожесточением он отстаивает право не говорить ничего о своей работе.

— От писателя к читателю путь только через его книги, — повторил он мне (уж в какой раз) это свое убеждение.

Он по-прежнему не дает интервью и советским, и зарубежным журналистам. Он не скрывает своего нерасположения к репортерам. Ему не нравится желание читателя все поскорее «узнать и проглотить». Очевидно, его основательная склонность к глубокому анализу протестует против всего поверхностного.

Журналисту трудно разговаривать с Солженицыным. Его неизменно вежливые и твердые «нет» приводят в тоскливое отчаяние. Я говорил с ним в Москве, четыре дня подряд (почти против его воли) встречался в Рязани. Солженицын покорила меня умом и тронула обаянием, но с меня довольно — это была последняя моя попытка беседовать с ним по заданию редакции.

Лично я убежден, что Солженицын никогда не будет говорить о том, как он работает, сколько страниц покрывает текстом за неделю, какие замыслы вынашивает и какой сорт бумаги предпочитает...

— Обо всем этом вы узнаете после моих похорон, — сказал он мне без тени шутки в голосе.

Сейчас известно немного. Известно, что «Один день Ивана Денисовича» писатель закончил четыре года назад, что ему сделали предложение экранизировать повесть. Не так давно он читал в театре «Современник» свою пьесу, где она, очевидно, и будет поставлена. Известно, что Александр Исаевич писал и, быть может, пишет еще стихи. Вот-вот выйдут два рассказа. А потом что? Потом, поговаривают, он намерен вернуться к первой теме. О планах его можно судить по такой фразе: «Я почти ничего еще не сделал...»

— Нехорошо, что первые рецензии появились практически до выхода первой книги, а авансы я стал получать до выхода второй, — говорит он. — Всякий шум, сенсацию нужно оправдать. А если я не смогу написать ничего достойного?

Очевидно, пишет он медленно. Его слова: «Каждая строка у меня отлеживается год».

РАБОТАТЬ, РАБОТАТЬ...

Солженицын не только любит работу — он любит самое слово «работать». Он приносит его почти с тоской по покою: «Хочу тихо и спокойно работать».

Мягко бранит он «обожателей», паломников, которых становится все больше и которые отрывают его от дела.

...Я сижу в столовой, разглядываю ископа этикетку с книгами: Дюма, четыре тома Мельникова-Печерского — уж не у него ли учится Солженицын языку? На рояле стопа нот, на стене старые портреты Чайковского и Шопена. Цветы — уютно, традиционно...

— Вот писатели в прошлом веке, — продолжает Солженицын, — жили, работали... Никто не лез к ним за сенсациями, а просто читали их. И ведь хорошие были писатели.

У него личная неприязнь ко всякой огласке.

Мне много рассказывали о его затворничестве — разумном и неоскорбительном для окружающих, о его почти аскетическом образе жизни... Но я не буду ни о чем этом писать. Новый год Солженицын встречал вместе с труппой театра «Современник», где были писатели, художники, кинорежиссеры и много артистической молодежи.

И этот праздничный выход лишает облик писателя односторонности, которую ему подчас хотят приписать.

Виктор БУХАНОВ,
специальный корреспондент
агентства печати Новости (АПН)